

Юный господин с мрачным лицом сделал ещё шаг вперёд. В руке он всё ещё держал кисть: он как раз дописывал задание, которое дал учитель. Его и так раздражало, что надо спешно заканчивать уроки, а тут ещё кто-то устроил скандал прямо в магазине. Раздражение стало ещё сильнее. Он смерил шумную женщину сердитым взглядом, потом недовольно повернулся к продавцу и рявкнул:

— Чего стоишь столбом? Не слышал? Сама же сказала: «либо он, либо я». Так почему ещё не выпроводил её?

Услышав приказ юного господина, женщина от злости вытаращила глаза. Она ткнула пальцем сначала в себя, потом в заговорившего юношу, а затем снова направила палец на Лю Гуюя и остальных. Но едва палец оказался направлен в сторону Лю Гуюя, она тут же вспомнила боль в суставе и быстро убрала руку, опасаясь, что Лю Гуюй сломает ей палец.

— Ты! Вы! Да это уже слишком! Я покупательница, я собиралась покупать вещи! Ты смеешь меня выгонять?!

Юный господин с хмурым лицом закатил глаза, шагнул вперёд, сорвал с её плеч примеренный палантин, потом выхватил из её руки шёлковый платочек, который она мяла и вертела, ещё не заплатив, и одним движением вытолкнул её за дверь.

При этом он сказал:

— Покупать, как же! Ничего я тебе не продам! Проваливай!

На вид юный господин был совсем молод, но ростом вышел высоким, а руки у него были с твёрдыми мышцами. Он лишь слегка толкнул женщину, а та отлетела довольно далеко.

Женщина едва не взорвалась от ярости. Сделав несколько неуверенных шагов, она кое-как удержалась на ногах, затем в бешенстве топнула и выругалась:

— Ты! Ты мужчина... и не стыдно тебе поднимать руку на слабую женщину?!

Юный господин закатил глаза почти до неба, упёр руки в бока и сказал:

— Но мне всего шестнадцать. Я ещё ребёнок.

Женщина: «...»

Она никак не ожидала такого ответа и снова внимательно посмотрела на стоявшего перед ней юного господина. Ему и правда всего шестнадцать? Неизвестно, на чём он вырос, но крепкий, словно бык! Да и ростом выше многих взрослых мужчин!

Женщина была поставлена в неловкое положение; она так сжала рукава в руках, что чуть не перекрутила их в тряпку. На вид она была ещё молода, лет двадцати с небольшим. Пока в магазине было мало людей, она ещё могла скандалить, но теперь её вытолкнули на улицу, и прохожие один за другим оборачивались на неё. Только сейчас ей стало стыдно.

Она покраснела, снова натянула рукав, прикрывая лицо, и напоследок топнула ногой:

— Дрянной магазин! Больше я сюда ни за что не приду!

Сказав это, она закрыла лицо и убежала.

Продавец в магазине с облегчением выдохнул, а потом, вздыхая, принялся успокаивать вспыльчивого молодого хозяина:

— Ох, прошу вас, успокойтесь!

Юный господин недовольно скривил губы и бросил взгляд на Лю Гую и остальных. Его взгляд скользнул по Лю Гую, но на Цинь Жунши задержался чуть дольше. В конце концов он махнул рукой:

— Ладно, ладно, обслуживайте покупателей.

Сказав это, он снова, с кистью в руке, скрылся в задней комнате. Оттуда ещё донеслось несколько ругательств. Судя по всему, он бранил учителя за то, что тот задал слишком трудное задание: писал и ругался одновременно.

Продавец с виноватой улыбкой подошёл к ним и смущённо заговорил:

— Простите, правда простите! Это мы плохо вас приняли, напугали гостей!

Цинь Баньбань всё ещё пряталась за спиной Цинь Жунши, обеими руками крепко вцепившись в рукава старшего брата. Время от времени она поднимала рукав и вытирала глаза, похоже, её напугали до слёз.

Одежда в этом магазине была очень красивой! Красная, зелёная, каких только цветов не было. Та девушка-продавец водила её смотреть множество красивых платьев и даже предлагала примерить. Цинь Баньбань смущалась и не решалась примерять, только протянула руку и потрогала ткань. Материал был мягким, гладким, на ощупь особенно приятным. Она радовалась про себя и тайком думала: когда вырастет и сможет сама зарабатывать деньги, обязательно купит себе такое платье.

Едва она об этом подумала, как рядом раздалась злая брань: какая-то покупательница

презрительно сказала, что она одета в старье, и если потрогает новую одежду руками, то испачкает её. Баньбань была всего лишь тринадцатилетней девочкой, с тонкой кожей и нежным сердцем. Как ей было вынести такие обвинения? Только что она растерялась и не успела ничего понять, а теперь пришла в себя, и слёзы уже капали одна за другой.

Ей хотелось сказать, что одежда у неё хоть и старая, но выстиранная очень чисто! Она часто мылась, перед выходом тоже вымыла лицо и руки, ещё и мыльными бобами, уж точно была чистой-пречистой и никак не могла испачкать платье!

Цинь Баньбань хотела сказать это, но та покупательница была слишком свирепой, говорила быстро, и слюна чуть ли не брызгала ей в лицо. Цинь Баньбань испугалась так, что потеряла голос, и вдруг совсем не знала, что сказать.

Лю Гуюй поманил её к себе, подозвал девочку, а потом опустил голову, погладил её по волосам и тихо принялся утешать. Цуй Ланьфан тоже жалела дочь до боли в сердце, полубняла её и долго приговаривала то «мое сердечко», то «мое сокровище». Лишь спустя довольно долгое время им удалось уговорить её перестать плакать.

Цинь Жунши же словно окаменел. В этот момент он не сказал ни слова, только нахмурившись смотрел на младшую сестру, и никто не знал, о чём он думал.

У продавца голова шла кругом, но соображал он быстро. Он тут же выбрал маленькую сумочку через плечо, с улыбкой протянул её и сказал:

— Эх, это мы плохо вас приняли и заставили девочку пережить обиду. Вот, примите это как извинение для юной госпожи. Пожалуйста, обязательно возьмите!

Это была маленькая сине-белая сумочка, вышитая узором из переплетающихся трав нежно-розовыми нитями. Застёжкой служила деревянная бусина, а расцветка как раз подходила юной девочке.

Цинь Баньбань только что плакала, глаза у неё были влажные, а вокруг них ещё оставалась лёгкая краснота. Увидев красивую сумочку, она снова замерла и уставилась на неё, не отрывая взгляда. Ей было неловко принять подарок, но сумочка и правда была такой красивой, что она не удержалась и посмотрела ещё пару раз. В конце концов она смущённо глянула на Цуй Ланьфан, потом на Лю Гуюя, словно ждала, что взрослые решат за неё.

Двое взрослых ничего не сказали. Зато Цинь Жунши протянул руку и принял сумочку. Сначала он негромко поблагодарил продавца, а потом взял маленькую сумку и повесил её сестрёнке на плечо. Глаза девочки сразу засияли. В них ещё стояли прозрачные слёзы, будто в чистую заводь упали звёзды. Она больше не грустила и не обижалась, только тяжело кивнула и сказала:

— Спасибо!

Продавец наконец выдохнул с облегчением, упаковал ткань и вату, купленные Лю Гуюем и Цуй Ланьфан, а потом проводил всех четверых до выхода. Глядя, как они уходят, он вытер пот со лба и уже собирался хорошенько выдохнуть, но в следующую же секунду услышал, как маленький хозяин в задней комнате снова хлопнул по столу и швырнул кисть.

Этот выдох продавец тут же проглотил обратно и больше не смел издать ни звука.

Купив ткань, вся семья на воловьей повозке вернулась в деревню. На следующий день им снова предстояло торговать, поэтому дома все рано поужинали и легли отдыхать.

На рассвете Цуй Ланьфан поднялась первой. Она развела огонь, принялась готовить завтрак и заодно поставила вариться своё лекарство. Сначала она замочила тазик бататовой лапши, затем разогрела масло в котле и обжарила в нём зелёный лук с чесноком. Лопатка звонко ударялась о стенки котла, горячее масло шипело и пузырилось. Когда аромат поднялся, она высыпала туда заранее подготовленные остро-солёные овощи и продолжила помешивать. Увидев, что всё почти готово, она зачерпнула тыквенным ковшом воды, влила её в котёл, накрыла крышкой и дала закипеть. Когда вода закипела, высыпала бататовую лапшу.

По кухне поплыл солёно-острый запах, будоражащий аппетит. Лю Гуюй и Цинь Жунши уже оделись, умылись и вышли из комнат. Лю Гуюй словно шёл носом: пригнувшись, вошёл на кухню и, хихикнув, спросил:

— Матушка, что готовишь? Так вкусно пахнет.

— Бататовая лапша, — Цуй Ланьфан даже не обернулась, всё смотрела на котёл, где весело булькала лапша. Потом улыбнулась и сказала: — Сейчас будет готово. Вы пока соберите всё для сегодняшней торговли, поедите, и можно выходить.

Лю Гуюй с улыбкой кивнул, обнял Цуй Ланьфан за руку и заглянул в котёл, ласково сказал:

— Как вкусно пахнет! Уксуса побольше, кисло-острое только так и вкусно! Спасибо, матушка!

Сказав это, он тут же выскользнул наружу и позвал Цинь Жунши собирать вещи.

Когда они всё приготовили и снова вошли на кухню, кисло-острая бататовая лапша уже была разложена по чашкам. К ней ещё добавили ошпаренные ломтики картофеля - тоненько нарезанные, хрустящие на вкус. Поверх красного бульона посыпали горсть зелёного лука, и от этого блюдо выглядело ещё аппетитнее.

Лапша была мягкая, но упругая; она обволакивалась ярко-красным острым бульоном и получалась кисло-острой, освежающей. На дне ещё лежало кругленькое яйцо пашот: стоило слегка ткнуть его, как жидкий желток вытекал наружу и быстро смешивался с красным маслом, становясь ещё соблазнительнее.

Линь Синь-нян с дочерью уже ждали снаружи. Лю Гуюй и Цинь Жунши поспешно позавтракали, взяли вещи и вышли.

Лю Гуюй, забираясь на ослиную повозку, говорил:

— Матушка, ещё рано! Небо даже не посветлело, вернись и ещё поспи немного!

Цинь Жунши тоже сказал:

— Твое здоровье ещё не восстановилось полностью. Не переутомляйся. Шить одежду тоже не к спеху.

Цуй Ланьфан только улыбнулась и кивнула, провожая взглядом повозку, на которой они уехали. Когда все ушли, она всё же не вернулась в комнату досыпать, как советовал Лю Гуюй, а взяла метлу и подмела двор. С возрастом сна становилось меньше: раз уж проснулась, снова не заснёшь. Уж лучше заняться какой-нибудь лёгкой работой, размять кости.

А Лю Гуюй тем временем въехал в город ещё до рассвета и разложил лоток. Первый утренний луч упал на прилавок, и на улицах посёлка постепенно стало больше людей. Несколько постоянных покупателей уже примерно рассчитали время и сами нашли их.

— Ох, босс Лю! Наконец-то вы снова вышли торговать!

— Моя жена по вашему мастерству соскучилась! Каждый день спрашивает!

— Эх, по мне, вам бы каждый день торговать! Вот было бы хорошо!

...

Лю Гуюй со смехом отшучивался, но на просьбы покупателей выходить торговать каждый день так и не соглашался. Причина была простая: устанешь до смерти.

Деревня Шанхэ находилась далеко от Фушуйя; даже на ослиной повозке ехать больше получаса, а выходить приходилось рано и возвращаться поздно. Вернёшься домой и снова нужно готовить еду к следующей торговле. Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань днём, конечно, помогали с заготовками, но некоторые вещи Лю Гуюй обязан был делать сам, иначе вкус получался уже не тот.

Если торговать каждый день, то меньше чем за месяц он высохнет в вяленого человечка. Лю Гуюй считал себя любителем денег, но не настолько же.

К тому же его еда скорее напоминала лакомства, а не основную пищу. Если есть изредка, о них ещё будут скучать; а если продавать каждый день, то они, наоборот, перестанут быть редкостью.

Впрочем, когда позже появятся деньги, можно будет арендовать магазин в городке. Тогда и каждый день заниматься делом станет удобнее.

Лю Гуюй, строя планы на будущее, одновременно оживлённо обслуживал покупателей; даже занимаясь двумя делами сразу, он справлялся весьма ловко. Проводив последнего покупателя, он постучал себя по плечам и спине, а потом плюхнулся на маленький табурет. С горестным лицом повернулся к Цинь Жунши и сказал:

— Эрлан, помоги мне плечи размять, а? Руки уже ломит.

Говоря это, Лю Гуюй развернулся к нему и увидел, что Цинь Жунши как раз достал из-под перегородки книгу и собирался читать. Лю Гуюй пожал плечами. Мешать отличнику учиться было как-то неловко, и он уже хотел сделать вид, будто вовсе ничего не говорил.

Цинь Жунши молча убрал книгу обратно, потом спокойно взглянул на Лю Гуюя и ровным голосом сказал:

— Сядь ровно.

Лю Гуюй:

— ...Ага.

Он снова развернулся как следует, и в следующее мгновение пара рук легла ему на плечи. Движения были уверенными и сильными.

Хе-хе, а ведь довольно приятно. Лю Гуюй довольно приподнял носки ног.

Линь Синь-нян рядом тоже это заметила и с улыбкой поддразнила:

— Эрлан такой почтительный! И к матушке хорошо относится, и к старшей невестке тоже!

Лю Гуюй:

— ...

«Почтительный» Цинь Жунши тоже помрачнел, убрал руки, молча раскрыл книгу и принялся

читать. Что бы Лю Гуюй ни говорил, продолжать он больше не стал.

Линь Синь-нян даже не поняла, что сказала что-то не то; подшутив, она снова повернулась обслуживать покупателей. Перед её лотком стоял крепко сложенный мужчина. Загорелая кожа блестела, сам он возвышался перед Линь Синь-нян, как небольшая гора. Здоровье у него тоже было отличное: уже зима на носу, а он всё ещё ходил в одной тонкой осенней одежде.

Лю Гуюй его узнавал. Звали его Сун Цинфэн, он был мясником в городке. Изначально он тоже был из деревни Шанхэ. Отец его рано умер, потом он унаследовал отцовский мясной прилавок и, продолжив семейное дело, тоже стал мясником. Видимо, поднакопив денег, несколько лет назад он перебрался жить в городок.

Похоже, ему очень нравились лепёшки-гоукуй, которые делала Линь Синь-нян: он приходил покупать их почти каждый день. Даже Линь Синь-нян удивлялась. Постоянных покупателей у неё было немало, но вот таких, кто ел бы у неё каждый день, был только один!

— Мясник Сун? — Линь Синьнян громко рассмеялась, глядя на него, и спросила: — Как обычно, две с мясной начинкой?

Сун Цинфэн как раз кивнул и уже собирался ответить, но вдруг за его спиной раздался женский голос:

— Синь-нян! Синь-нян!

Это был голос Цуй Ланьфан?!

На этот раз не только Линь Синь-нян удивлённо обернулась. Лю Гуюй и Цинь Жунши тоже вздрогнули и поспешно встали, глядя в сторону, откуда донёсся голос. Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань быстро бежали к ним. Обе запыхались, лица у них были перепуганные и растерянные.

Цуй Ланьфан даже не взглянула на Лю Гуюя и Цинь Жунши. Она прямо бросилась к Линь Синь-нян, схватила её за руку и выкрикнула:

— Беда! Твой Цинчжу пропал!

<http://bllate.org/book/17177/1641945>